

Андрей ФЛИЕР

О новой культурной политике России

Размышляя о целях, задачах, средствах и принципах новой культурной политики России, следует прежде всего четко дифференцировать собственно культурную политику и оперативное управление текущими культуротворческими процессами как два разных уровня стратегии и тактики управленческой деятельности, разграничить эти цели, задачи, методы и инструментарий.

Собственно культурная политика видится как совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий по всесторонней социокультурной модернизации общества и структурным реформам по всей системе культуропроизводящих институтов, как система новых принципов пропорционирования государственной и общественной составляющих в социальной и культурной жизни, как комплекс мер по заблаговременному налаживанию научного и образовательного обеспечения этих принципов, по целенаправленной подготовке кадров для квалифицированного регулирования социокультурных процессов завтрашнего дня, а главное — как осмысленная корректировка общего *содержания* отечественной культуры.

Управление же текущими культуротворческими процессами представляет собой комплекс оперативных действий по решению животрепещущих проблем существующих культуропроизводящих институтов, призванных обеспечить расширенное *воспроизводство* актуальных культурных *форм* в пределах финансовых средств, кадров, инструментария и технологий, имеющихся на сегодняшний день.

На уровне современных научных представлений о *сущности культуры* какие-либо глобальные подходы к ее проблемам, в частности определение приоритетных целей и задач культурной политики, невозможны без соотнесения культуры с основными тенденциями развития *цивилизации* (как в общечеловеческом масштабе, так и в локальном, в данном случае — конкретно-исторической российской цивилизации). Если под цивилизацией понимать особый, исторически сложившийся способ существования крупной социальной общности людей¹, специфическую форму ее самоорганизации и регулирования процессов коллективной жизнедеятельности, то культура в этой цивилизационной системе играет роль механизма, выполняющего такие *основные функции*, как:

- обобщение *исторического опыта* существования общества;
- аккумулярование этого опыта в виде системы *ценностных ориентации*;

¹ Новикова Л. И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса. «Цивилизации». Вып. I. М., 1992.

— выражение данных ориентаций на различных языках *социальной коммуникации* и осуществления самих *социально-коммуникативных связей*;

— регулирование практической жизнедеятельности общества с помощью основанных на ценностных ориентациях *социокультурных норм* коллективного и индивидуального бытия (*образа жизни*);

— выявление и осмысление признаков и черт собственной специфики в виде *образов идентичности* (т. е. субъективных представлений общества о самом себе, особенностях своей судьбы и исторической «миссии», маркирующих его культурных чертах и т. п.) и намеренное их воспроизводство (*самомаркирование*) в технологиях и продуктах различных видов деятельности.

Инструментарий культуры, используемый для выполнения этих функций, весьма велик: воспитание, просвещение, образование; философские, общественные и гуманитарные науки; религия; художественное творчество; книжное, библиотечное и музейное дело; оперативные информационные потоки; идеология и пропаганда; политическое и юридическое нормотворчество; этические, этнические, социальные и религиозные стереотипы сознания и поведения; обряды и ритуалы; мифы и слухи; мораль, нравственность; эстетические приоритеты; мода и другие формы социальной престижности, короче, все то, что формирует «картину мира» и образ жизни (точнее, совокупность социально дифференцированных образов жизни) того или иного народа в ту или иную эпоху.

Разумеется, подавляющая часть многообразных процессов культурного бытия общества протекает стихийно, подчиняясь лишь глубинным законам социальной самоорганизации людей в их коллективной жизнедеятельности. Вместе с тем отдельные составляющие этого комплексного процесса поддаются разумному и целенаправленному регулированию, стимулированию одних тенденций и свертыванию других и т. п., осуществляемым с позиций видения и понимания стратегических путей, по которым движется данная цивилизация. Комплекс этих мер по искусственному регулированию тенденций развития духовно-ценностных аспектов общественного бытия и может быть назван «культурной политикой».

Важнейший принцип определения целей и задач культурной политики заключается в понимании *амбивалентности* культуры, ее многозначности, многоуровневости ее смыслов и содержаний. Ни один феномен культуры не является монофункциональным, но несет в себе целый комплекс различных социальных функций; ни одно культурное явление не обладает лишь одним смыслом и непосредственным содержанием, а представляет собой совокупность различных смыслов и содержаний как актуального, так и мемориального характера. С этим связаны особая сложность управленческой стратегии и тактики в области культуры и необходимость многоуровневого подхода к регуляции социокультурных процессов.

В связи с этим культурная политика должна быть, во-первых, неотъемлемой частью всех без исключения направлений государственной политики в целом, отражая ее духовно-ценностный и нравственно-нормативный аспекты; во-вторых, стать важнейшей составляющей социальной политики, которая в современных условиях может быть лишь комплексной социально-культурной; в-третьих, образовывать собственно культурную политику (в узком смысле) как особое направление государственной и регулируемой государством общественной деятельности по стимулированию и отлаживанию социально приемлемых и предпочитаемых духовно-ценностных и социально-нормативных содержаний и форм общественного и индивидуального бытия.

Важнейшие приоритетные *цели* культурной политики в России могут быть определены следующим образом:

— всестороннее развитие системы социально-культурных ценностных ориентации человека и общества, построение новой аксиологии бытия, творчески соотносящей национальные и исторические традиции с задачами социокультурной модернизации России;

— помощь населению в становлении адекватных новым условиям параметров образа жизни и «картины мира», национально-культурной, социально-эко-

номической и государственно-политической идентичности, форм духовного самоопределения и самовыражения, общественного и индивидуального социокультурного сознания;

— всемерное развитие духовно-ценностного компонента во всех проявлениях социальных интересов и потребностей людей, превращение их культурного бытия в фундаментальную основу социальной культуры, культурных потребностей — в ядро социального заказа на содержание, формы и качество жизни;

— приобщение людей к знанию и интересу ко всему многообразию культур человечества, их духовное и интеллектуальное обогащение через это знание, воспитание толерантного отношения к иному, незнакомому, непривычному, воспитание потребности в доброжелательном культурном взаимодействии, общении, преодолении национальной, конфессиональной и социально-политической отчужденности;

— воспитание, демократического и плюралистического миропонимания, осознания взаимосвязи общечеловеческих ценностей с глубинным содержанием любой национальной культуры, понимания того, что будущее человечества определит гармоничное сочетание личной *свободы* (как условия самореализации каждого) с *культурой* (как универсальным способом согласования интересов всех).

В числе основных *задач*, решение которых диктуется сформулированными целями, можно выделить:

— исследование, прогнозирование и проектирование основных направлений социально-культурной эволюции общества, характерных черт многонациональной российской цивилизации;

— разработка основных принципов и направлений новой социокультурной аксиологии;

— прогнозирование наиболее вероятных черт и параметров нового образа жизни, детерминированного складывающимися в России социально-экономическими, государственно-политическими, духовными и иными условиями;

— исследование и формулирование новых параметров российской идентичности;

— поиск новых, современных языков и технологий социокультурной коммуникации;

— исследование тенденций эволюции социального заказа на содержание и формы культуры, на стилевые и качественные параметры образа жизни, освоение методики прогнозирования развития подобного заказа;

— совершенствование законодательной базы в области культуры и социокультурной политики;

— развитие фундаментальных научных исследований в области культурологии (теории и истории культуры и цивилизации) с целью познания законов и механизмов, определяющих культуuroобразующие процессы;

— развитие историко-культурологического направления в системе общего среднего образования, теоретико-культурологического — в системе общего высшего образования и комплексно-культурологического — в системе вузов и факультетов, готовящих специалистов-культурологов;

— целенаправленное формирование корпуса специалистов-культурологов, призванных практически осуществлять задачи культурной политики;

— разработка системы управленческих принципов и методов, перспективных управленческих технологий и инструментария, наиболее адекватных задачам регулирования столь специфического процесса, как культуротворчество;

— разработка основных принципов взаимодействия с общественными организациями (религиозными, национальными, социальными), со сферой художественной практики, с философскими, общественными и гуманитарными науками, со сферой образования, средствами массовой информации и книгоиздателями, со сферой организации и обеспечения досуга и т. п. как основными субъектами практического воспроизводства культуры.

Средства культурной политики представляют собой совокупность субъектов (институтов) этой политики, предпочитаемых методов и инструментария по ее осуществлению. Здесь также следует различать институты, занимающиеся непосредственным культуротворчеством (воспроизводящие культурные *формы*), их методы и инструментарий, с одной стороны, и институты культурной политики (формирующие предпочитаемые *содержания* культуры) — с другой.

В предельном смысле наивысшим институтом культурной политики является сама История, процесс исторической эволюции человеческого общества и его локальных образований (народов); методом — цивилизация как особый способ осуществления исторической эволюции, основанный на уникальном историческом опыте соответствующего общества; а инструментарием — вся совокупность форм деятельности, информационных связей между людьми и психических процессов, обеспечивающих эту жизнедеятельность. Разумеется, речь идет о стихийных процессах культурного саморазвития.

Государственная культурная политика должна в основном моделировать механизмы естественно протекающего цивилизационного процесса, действовать в рамках его социально-синергетических законов и лишь стимулировать ускоренное развитие общества в том направлении, в котором оно и само по себе объективно движется. Опыт истории показывает, что попытки искусственно переменить это естественное направление развития, навязать обществу умозрительные модели его эволюции ничем хорошим для общества не кончались.

Отсюда *первый* и наиважнейший *принцип* культурной политики: не вступать в противоречие с историей, чутко улавливать основные тенденции и направление объективных процессов развития общества, ориентироваться на уже известные, вести неустанный поиск еще не изведенных законов социокультурной эволюции и искусственными мерами лишь помогать обществу в устойчивом движении в необходимом направлении, стимулировать его ускоренную модернизацию по объективно наметившемуся пути.

Второй существенный *принцип*: правильное определение объекта этой политики. Если объектом оперативного управления культурой являются преимущественно культуропроизводящие и культуросохраняющие организации, то объектом культурной политики должно быть все общество в целом, и отсюда масштабы воздействия этой политики проектируются как общенациональные (общегосударственные). Неоднородность российского общества (национальная, социальная, конфессиональная и т. п.) требует гибкого сочетания универсализма культурной политики с локальными методами, оптимизированными для той или иной части нашего многообразного общества.

Третий принцип: определение субъекта культурной политики. Было бы большой ошибкой ограничивать понимание субъекта лишь одним государством и органами его управления. Субъект, осуществляющий (реализующий) культурную политику, это в первую очередь само же общество, лишь корректируемое государственными инстанциями. Будучи одновременно и объектом и субъектом культурной политики, общество действует как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся социокультурная система, непрерывно адаптируясь к изменяющимся условиям бытия (в первую очередь изменением своих культурно-ценностных ориентации, во многом стимулирующих и изменение утилитарных социальных потребностей, определяемых не в последнюю очередь соображениями социальной престижности, моды, идейно-ценностными установками и т. п.). Разумеется, роль профессиональных культуротворческих организаций при этом чрезвычайно важна, но они выступают лишь в качестве регуляторов, референтных групп, «подсказывающих», задающих эталонные образцы, направляющих и стимулирующих процессы социокультурной самоорганизации, саморазвития и особенно самовыражения общества в тех или иных формах.

Четвертый принцип: подспудность воздействия культурной политики. Она предполагает постепенное содержательное воздействие на общественное сознание, нравы, ценностные приоритеты и ориентиры социальной престижности и не должна выражаться в каких-то оргмероприятиях немедленного действия и

непосредственно форматворческого характера. Поэтому основной инструментарий культурной политики — не столько культуротворческие институты, создающие актуальные образцы культурных форм, сколько наука, образование, просветительство, воспитание, публицистика и т. п., формирующие ценностно-нормативную иерархию социокультурных запросов общества в целом.

Пятый принцип: постоянный учет гетерогенного характера российской культуры. В вопросе о российском культурном своеобразии (неизбежно ключевом вопросе в современных условиях) необходим особый акцент на вненациональных чертах содержания любой культуры, на проблеме национального или религиозного своеобразия как уникальном *синтезе* черт и форм различного происхождения, на межкультурном взаимодействии как основном условии органичного развития культуры всякого народа, на общих целях и интересах народов полиэтнической российской цивилизации, на образе «симфонии» (как в музыкальном, так и в религиозном смысле) как неслиянном, но слаженном звучании множества голосов — этнических культур в целостной российской культуре. В конечном счете цивилизация сама отберет приемлемые для нее инновации и интегрирует их в свою культуру, главным образом на основании их соответствия глубинным, исторически сложившимся ценностным установкам (далеко не всегда формально выраженным в предшествующей традиции и потому порой неожиданным в своем выборе), чертам идентичности данного общества и формам актуальной социальной престижности.

С этим связан *шестой принцип* культурной политики: глубокое изучение национальной традиции, ценностных ориентаций и признаков идентичности нашего общества, тенденций их эволюции и выбор форм культурной модернизации, не входящих в непримиримое противоречие с его цивилизационной спецификой. Особое внимание стоит уделить изменчивой системе форм и символов социальной престижности, роли «великих текстов», как правило, заимствуемых Россией извне, но во многом определяющих актуальную направленность социокультурных предпочтений тех или иных слоев общества³.

* * *

Некоторые аспекты предлагаемых целей, задач и принципов новой культурной политики России нуждаются в более подробном комментировании.

Представляется, что историческая устойчивость любой национальной идентичности основывается прежде всего на *умеренной традиционности* национально-социальной аксиологии, а следовательно, на сравнительно высокой степени ее *структурной сложности*. Крайности как традиционного, так и антитрадиционного сознания, напротив, характерны тенденцией к упрощению ценностных ориентиров, сведению их к элементарным дуальным оппозициям типа «наши—не наши», «патриоты—заговорщики», «святость—сатанизм», «прогрессивное—реакционное» и т. п. Подобное «манихейство» в ценностных ориентациях и образах идентичности, как показывает исторический опыт самой России, постоянно расшатывает устойчивость социально-культурного сознания и общую социально-политическую обстановку в стране⁴.

Вместе с тем исторический опыт других обществ (в первую очередь западных) свидетельствует, что по мере усложнения системы ценностных ориентации и параметров коллективной и индивидуальной идентичности в том или ином обще-

² Например, высокий уровень вербализованности русской культуры: более эффективное воздействие слова, текста, книги в сравнении с иными формами; восприятие России в первую очередь как государственного образования и лишь во вторую — как социальной общности; пространственно-временная рассогласованность социокультурной динамики в России, что всегда определяло ее как сочетание нескольких самостоятельных, пространственно и социально автономных «Россий», и т. п.

³ Например, византийского христианства и доктрины «православного царства», золотоордынской самодержавной деспотии восточного типа, западноевропейских принципов абсолютизма, марксизма и либеральной демократии. См. об этом также Панарин А. Западники и евразийцы. «Общественные науки и современность», 1993, № 6.

⁴ Ахизер А. С. Россия; критика исторического опыта. Т. 1. М., 1992.

стве или социальном слое в той же пропорции расширяются и степени личной свободы членов данной общности, возможности их самореализации в социокультурной системе. Таким образом, степень сложности иерархизированности культуры общества и личная свобода граждан находятся в неразрывной связи.

Основные приоритеты государственной культурной политики по данному кругу проблем видятся следующими:

— способствование постоянному усложнению и структурной иерархизации системы ценностных ориентации и параметров идентичности российского общества и, напротив, препятствование развитию тенденций к их упрощению;

— восстановление и повышение социального статуса интеллигенции как носителя наиболее сложного комплекса ценностных и самоидентификационных установок; повышение социального престижа самого феномена интеллигентности, интеллектуального труда, эрудированности, знаний и т. п. От масштаба и глубины влияния, от нравственного и интеллектуального авторитета интеллигенции в обществе в значительной мере зависят процессы «демаргинализации» общественного сознания и желаемое усложнение его ценностных ориентаций;

— восстановление социального статуса и престижа понятия «идеология», однако не в его прежнем, односторонне политизированном виде, а именно как комплекса общественно предпочитаемых и реализуемых государством ценностных ориентации, новой социокультурной аксиологии; идеология является объективно необходимым компонентом любой формы коллективного бытия людей, и не следует смешивать политический плюрализм с деидеологизацией общества (т. е. с разрушением всех его ценностных ориентиров); российская национальная идеология (в гражданском смысле слова «национальный») должна занять подобающее место в нашей жизни⁵;

— стимулирование активной научной проработки актуальных вопросов новой российской аксиологии и идентичности, быстрейшее внедрение этих разработок в содержание школьного и вузовского образования, пропагандирование их в средствах массовой информации и в содержании рекреационных (досуговых) мероприятий;

— корректировка государственной социальной, национальной, научной и образовательной политики в сторону их большей взаимосвязи с задачами культурной политики; разработка ряда комплексных государственных программ, объединяющих усилия перечисленных направлений политики в решении задач более полной социализации человеческой личности, усложнения ее ценностных и идентифицирующих установок, форм социальной престижности, ориентаций на различные референтные группы. Более сложные ценностные запросы естественным образом откорректируют массовый социальный заказ на предпочитаемые формы, содержание и качество продукции профессиональных культуротворческих институтов (художественных, издательских, информационных, досуговых и т. п.);

— отказ от марксистской догмы об абсолютном приоритете экономики в общественном развитии; признание приоритетности культуры (конечно, не в узко художественном значении, а как совокупности ценностно откорректированных форм общественной жизни), науки и образования или по крайней мере их равноценности политическому и социально-экономическому аспектам национального бытия, осмысление их подлинного места в совокупном национальном богатстве страны и переход к обеспечению (как государственному, так и стимулируемому внебюджетному) культуры, науки и образования в соответствии с их объективным социальным статусом.

Другая фундаментальная проблема культурной политики связана с задачами осмысленного регулирования социальной дифференцированности культуры.

Хорошо известно, что за годы советской власти в стране предпринимались неоднократные попытки насаждения единой унифицированной для всего насе-

⁵ См. об этом также Косолапов Н. А. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов. «Вопросы философии», 1994, № 1.

ления культуры. В 1930—1940-е годы таким общенормативным эталоном выступала квазиинтеллигентская субкультура окультуренных в столичном быте совчиновников (с постоянной претензией на статус «высокой», собственно интеллигентской культуры). В 50-х — начале 60-х годов, напротив, деревенская самодеятельно-фольклорная традиция в качестве «правильной народной» противопоставлялась «неправильной обуржуазившейся» городской культуре. В последующие годы жесткость партийно-государственного прессинга в сфере культурной унификации несколько ослабла (за исключением традиционной борьбы с «западничеством» в любых его социокультурных проявлениях).

Судя по всему, сама идея единой, социально недифференцированной нормативной культуры для всего общества несостоятельна в принципе, как и идея создания социально монолитного общественного организма. Напротив, исторически устойчивое общество, как правило, отличается весьма сложной и дробной социальной структурой и культурой. Отсюда важнейшая задача культурной политики заключается в способствовании процессам социальной дифференциации и иерархизации культуры, большей специализации ее отдельных пластов в соответствии с потребностями различных слоев населения. Социальная многослойность культуры — важнейший признак ее зрелости. Одновременно очень важным представляется поддержание этих социальных субкультур в состоянии «открытых систем» с размытыми границами, способных к свободному взаимобмену социально актуальными формами и новациями.

В настоящее время в российской культуре можно выделить несколько основных социокультурных подсистем:

— «высокая» интеллигентская культура, развивающая историческую традицию национальной элитарной культуры, крайне тяжело адаптирующаяся к современным рыночным отношениям и меркантильным ценностным приоритетам, проявляющая тенденцию к «съезживанию», самозамыканию в своей элитарности;

— «советская» культура, продолжающая традицию минувших десятилетий, основанная на привычке населения к государственному патернализму в отношении любых социокультурных запросов людей, к социальной уравниловке, приоритету коллективного над личным, эйфории великодержавности; носителями этой системы «совковых» ценностей в основном остаются люди старшего поколения, испытывающие вполне понятную ностальгию по годам своей молодости и всей совокупности ценностей, образов и символов, ассоциируемых с той эпохой;

— западная (по преимуществу американская) культура либеральных ценностей, социокультурного индивидуализма и экономической независимости, охватывающая значительную часть молодежи, предпринимателей и интеллигенции («the new russians» — «новые русские»), отличающихся, с одной стороны, сравнительной индифферентностью к духовным и интеллектуальным ценностям, установками на получение удовольствия от жизни, на немедленное удовлетворение любых социальных запросов, на особую престижность материального достатка, с другой — значительной социальной активностью, высокой степенью идейного плюрализма, интернационализма, толерантностью, уважением права каждой личности на свободное социальное и культурное самоопределение;

— комплекс маргинальных субкультур социальных «низов», существующий в широком спектре проявлений от «блатного» стиля и непосредственно криминального образа жизни до национал-шовинистических и мистико-окультурных движений; весь этот набор паракультурных явлений объединяет происхождение от первобытно-мифологического сознания и родогенетической (кровно-племенной) системы ценностных ориентаций, преимущественно тоталитарный (обобществляющий) подход к личности, а также «манихейский» тип мировосприятия, «окопная» психология непрерывной борьбы «наших» с «не нашими».

Пожалуй, сегодня именно два последних социокультурных комплекса — «западнический» и маргинальный — ведут реальную борьбу за заполнение той социокультурной ниши, что образуется в обществе в процессе нарастающей де-

градации традиционной системы советских культурных ценностей и норм, умирания субкультуры «советского» типа. При этом нельзя не признать, что при всех известных недостатках культуры «западного» типа в настоящий момент только она одна серьезно противостоит «люмпенизации» общества, расползанию маргинального социокультурного сознания среди малообразованных слоев населения. Что же касается «высокой» интеллигентской культуры, то она уже фактически вышла из этой борьбы, потеряв свои фланги («почвенники» сомкнулись с маргиналами, а андерграунд — с западниками), убедившись в крайней узости своей социальной базы и отсутствии сколь-либо серьезного влияния на население.

Расширение социокультурного влияния «высокой» культуры, вероятно, станет возможным лишь при более или менее успешном решении задач, описанных выше, что потребует в лучшем случае не менее двух-трех десятилетий. Поэтому в обозримом будущем задачи государственной политики в отношении «высокой» культуры видятся не столько в развитии, сколько в консервации, не в расширенном, а хотя бы в прямом воспроизводстве имеющегося культурного потенциала, а главное — в спасении его «школы» как хранилища «академической» традиции и механизма по подготовке высокопрофессиональных кадров, эталона критериев качества и мастерства. Таким «геном» культуры, несомненно, являются сеть научных и образовательных учреждений, библиотеки, музеи и памятники истории и культуры. Именно на их спасении и поддержании в рабочем состоянии должны быть сосредоточены усилия государства, основные бюджетные средства, выделяемые на культуру. Что же касается сферы новационного культуротворчества (в первую очередь художественного), то, как это ни прискорбно, сегодня они должны рассчитывать главным образом на самостоятельное выживание на рынке культурной продукции и спонсирование по преимуществу из внебюджетных источников.

Иной комплекс задач в области социального дифференцирования культуры связан с осмыслением и целенаправленным регулированием становления так называемой «срединной культуры».

«Срединная культура» — это комплекс социально-ценностных, этических и эстетических норм и предпочтений, охватывающих основную массу городского населения (а в перспективе и культурно «урбанизированных» сельских жителей), по своему образовательному уровню, характеру социальных притязаний и форм социальной престижности относительно индифферентную к ценностям «высокой» интеллигентской культуры и декларируемых ею самодостаточности духовного, всечеловечности решаемых нравственных проблем, к «высоким технологиям» интеллектуально-художественной деятельности, и т. п. «Срединную культуру», как правило, отличают такие характеристики, как:

— умеренная сложность, разумеется, превосходящая примитивно-мифологические установки «советской» и маргинальной субкультур, но и не сопоставимая с интеллектуальной и духовной утонченностью культуры элитарной;

— предельно четкая, «читаемая» иерархизированность ценностных ориентиров, их явная привязанность к ценностям социально-бытового порядка, к этике не очень квалифицированного, но достойного труда в любой сфере деятельности;

— сочетание здорового прагматизма с неистребимой мифологизированностью массового сознания;

— ориентация не на «высокие технологии» культуротворчества, а на его массовые полусамодетельные формы и обыденные нравственные проблемы, приближенные к повседневной жизни рядового обывателя;

— максимальная пластичность, связанная со значительной социальной разнообразностью потребителя этой культуры как по образовательно-профессиональному, так и по половозрастному признакам;

—ориентированность на удовлетворение по преимуществу индивидуальных и семейных социокультурных потребностей, на «интимность» форм (в смысле их мелкой вариативности в рамках общего массового тиражирования, основанного на их модности, престижности и т. п.);

—преобладание разумной, умеренной прагматичности, акцент на экономности в социальных притязаниях;

—территориально-соседский по преимуществу тип социокультурных коммуникаций и общих интересов (в отличие от советского образа жизни, где преобладали служебно-производственные социокультурные связи);

—особый интерес к местным, регионально-краеведческим проблемам, к заботам собственного города, района, квартала и т. п.

Мировой опыт свидетельствует, что «срединной культуре» свойственна обычно непосредственная социальная актуальность, что ведет к тесной связи духовно-интеллектуального аспекта этой субкультуры с проблемами защиты природной среды, бытовой этики, социальной справедливости, охраны жизни и здоровья людей, поддержания общественного порядка и т. п. Это требует подхода к «срединной культуре» как явлению комплексному, глубоко синтетическому (в гораздо большей мере, чем это свойственно «высокой» культуре), отличающемуся специфической системой социальных притязаний и форм социальной престижности и вместе с тем — неожиданными «срывами» в архаическое, глубоко мифологизированное сознание. Видимо, именно из-за недостаточного учета степени синтетичности этой массовой культуры прежняя советская практика стимулирования в основном лишь художественных форм самодетельного творчества и самовыражения населения не дала ожидаемого эффекта и пришла в кризисное состояние. Этот феномен нуждается в серьезном научном изучении и специальной подготовке большого числа высококвалифицированных и универсальных специалистов-социокультурологов и социальных педагогов, которым предстоит работать на местном уровне в малых социальных группах, развивая в людях лучшие качества этой «срединной культуры».

Разумеется, речь не идет об искусственном умозрительном конструировании новой социальной культуры и ее насильственным навязывании людям. «Срединная культура» формируется, как правило, стихийно, по своим собственным внутренним законам постольку, поскольку меняются условия жизни и происходит «приватизация» отдельной личности и семьи, что создает новый социальный заказ на новые культурные формы малого, «приватного» масштаба. Уже сейчас видно, как сосредоточение значительной части средств «доставки» культуры потребителю у него дома (телевизор, магнитофон, компьютер, домашняя библиотека и т. п.) существенно влияет на характер его социокультурной коммуникативной активности. Создание культуротворческих институтов, способных адекватно и профессионально ответить на этот новый заказ, исследование процесса формирования новой социальной культуры «молчаливого большинства», изучение ее параметров и стимулирование ускоренного развития тех тенденций, которые представляются наиболее перспективными и социально предпочтительными, являются задачами государственной культурной политики.

Необходимо специально рассмотреть и еще один пласт социально-дифференцированной культуры — *народную культуру*. Под этим словосочетанием, как правило, понимают три совершенно различных явления:

—этнографическую культуру того или иного народа во всем многообразии ее хозяйственно-бытовых, обрядово-ритуальных, мифо-легендарных и фольклорно-художественных компонентов;

—любое непрофессиональное (самодетельное) художественное творчество, к каким бы видам искусства оно ни относилось;

—художественно-стилевое направление в искусстве, профессионально исполняющее произведения подлинного фольклора или воспроизводящее его традицию в новосозданных произведениях, стилизованных под фольклор.

Советской эпохе были свойственны необоснованная идеализация народной культуры, противопоставление ее как «подлинной» искусству профессиональному, решающему в принципе иные художественные и социокультурные задачи и потому заведомо несопоставимому с фольклорной традицией. Демагогические истоки такого рода противопоставления самоочевидны и в комментариях не нуждаются.

Как представляется, первое из упомянутых выше явлений — этнографическая культура — должно пользоваться всемерным государственным покровительством и поддержкой. Пласт этнографической (по преимуществу сельской) культуры, буквально «вымирающей» на наших глазах, заслуживает специальной государственно-региональной программы изучения, охраны и консервации, точно такой же, как государственный патронаж над памятниками истории и культуры. Этнографическая культура является памятником не менее ценным, чем древние храмы, хотя охранять и поддерживать ее много трудней, чем каменные шедевры минувшего.

Второй пласт — самодеятельное непрофессиональное художественное творчество (как сельское, так и городское) — должен рассматриваться как часть социально- и культурно-досуговой деятельности населения и поддерживаться в той мере, в которой государство и местные муниципальные органы в состоянии развивать различные клубные, культурно-массовые и иные формы досуга, по крайней мере до тех пор, пока эта деятельность имеет некоммерческий характер художественного самовыражения.

И наконец, по отношению к «народному стилю» в рамках профессиональной художественной деятельности никакой особой государственной политики в принципе быть не должно. Авторы и исполнители, работающие в этой стилиевой манере, не нуждаются в искусственном выделении из среды других авторов и исполнителей, работающих в иных направлениях и жанрах.

Особое место занимают вопросы культурной политики в области науки и образования. Именно эта сфера видится ключевой в решении задач *содержательных* реформ отечественной культуры, создающей и внедряющей в массовое сознание новые культурные смыслы (в отличие от художественной деятельности, чье смыслоноваторство в современных условиях по преимуществу ограничено внутрипрофессиональной, художественно-критической аудиторией).

Можно выделить научные и образовательные учреждения, занимающиеся исследованиями и подготовкой кадров по следующим направлениям:

— художественное творчество (подготовка практиков, педагогов и критиков в сфере профессионального искусства);

— культурно-информационная и культуроохранная деятельность (исследования и подготовка специалистов в сферах библиотечной, архивной, музейной, реконструктивной и реставрационной деятельности);

— искусствоведение (научные исследования и подготовка историков и теоретиков по всем видам профессионального и народного искусства; в принципе, к этому направлению следует относить и литературоведение, хотя по сложившейся традиции оно относится к области филологических наук);

— фундаментальная культурология (научные исследования и подготовка ученых и преподавателей в области теории и истории культуры, высококвалифицированных управленцев и экспертов по социокультурным проблемам и межкультурному взаимодействию, редакторов и журналистов по вопросам культуры и т. п.; по логике — в это направление содержательно должны входить также этнография, археология и историческая социология, как это принято в западной антропологии, но у нас исторически сложилась иная композиция в структуре научного знания);

— прикладная культурно-организационная (социокультурная) деятельность (подготовка работников клубной сферы, руководителей и организаторов культурно-массовых мероприятий, художественной самодеятельности, социальных педа-

гогов, менеджеров и технических специалистов в области культуры, искусства, туризма, рекламы и т. п.).

В отношении художественно-творческого образования и науки наиболее актуальной представляется позиция консервационная, направленная на сохранение «школь», национальной художественной традиции, критериев высокого качества и мастерства, культурной и профессиональной преемственности и т. п., что, разумеется, не исчерпывает всех проблем, связанных с этими сферами деятельности. Тем не менее проблема *воспроизводства традиции* в этой области видится самой животрепещущей.

Культурно-информационная, культуроохранная и прикладная культурно-организационная сферы во многих отношениях нуждаются в серьезной модернизации, а порой и в существенной корректировке своих парадигм деятельности, в переосмыслении их целей и задач, в исследовании новых параметров социального заказа на содержание, формы и методы этой работы. В этой области наиболее актуальна политика *развивающая*, связанная с разработкой и внедрением новых технологий и методов, средств информационного и технического обеспечения, наукоемкого усложнения характера деятельности и уровня подготовки специалистов.

В особом, ускоренном, развитии нуждается фундаментальная культурология — сфера научной, образовательной и социорегулятивной деятельности, нацеленная на глубокое изучение и воздействие на социально-культурное сознание общества, на прогнозируемое изменение его ментальностей, аксиологии, образов идентичности, характера социальных притязаний и форм социальной престижности, на формирование нового заказа на культуру, на содержание и формы культуротворческой деятельности, на превращение культуры в основу социального самоопределения людей и их запросов на содержание и качество жизни. Эта наука в наступающем XXI веке займет одно из ведущих мест в познании и управлении социальными процессами. В данной области основная задача сегодняшнего дня — опережающие широкомасштабные исследования, подготовка научных, педагогических и управленческих кадров, заблаговременное формирование организационной, информационной и технической инфраструктур этой деятельности, работа на интересы завтрашнего дня с одновременным активным внедрением культурологического ракурса мироосмысления в современную образовательную, просветительскую, информационную и социорегулятивную практику.

Важнейшей проблемой социальной дифференцированности культурной политики является ее четкая иерархизированность по макро- и микроуровням, по источникам обеспечения (государственным, региональным, местным, коммерческим, различным формам самообеспечения), по институциональным уровням управления и регулирования.

* * *

Культурная политика России не может быть лишь сугубо внутренним делом страны и общества. Насколько Россия является органичным членом мирового сообщества, настолько и ее культурная политика должна быть частью всемирного культурно-цивилизационного процесса и отражать мировые тенденции духовно-ценностного освоения бытия. Например: отрезвление от всеобщей эйфории «голового» прагматизма, вульгарного рационализма, гедонистического стремления к немедленному удовлетворению любых социальных потребностей; поиск экологических, природосберегающих алгоритмов существования; усиление гуманитарно-нравственного аспекта в политике; актуализация принципов «умеренного традиционализма»; поиск новых принципов взаимодействия локального и универсального начал в культуре, и т. п.

Представляется, что России должны быть особенно близки те тенденции культурного самоопределения, которые развиваются в последние десятилетия в стра-

нах Западной Европы — сопротивление «тотальной американизации», поиск гармонии между универсально-государственным и локально-этнографическим компонентами культуры, специальное внимание «срединной культуре» основной массы населения, поиск путей преодоления издержек массового тиражирования культуры, сопротивление наступлению аудиовизуальной (экранной) культуры на текстовые (книжные) и «живые» (сценические) традиции.

Вступление России как преимущественно европейского по генезису своей культуры и истории государства на это «проблемное поле» европейского культурного строительства должно стать необходимым и естественным компонентом национальной культурной политики страны.

Автор выражает благодарность доктору философских наук Б. Брасову, чьи взгляды и суждения легли в основу раздела о становлении так называемой «срединной культуры».

© А. Флиер, 1994